

Елена Михайлик

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 г. живёт в Сиднее, преподает в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии, тема диссертации «Варлам Шаламов: поэтика новой прозы». Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019). Автор трех книг стихов. В «Волге» стихи публикуются с 2013 года.

– Этот мир сотворен наповал –
как узнать, кто его рисовал,
составляя утесы,
собирая снежинки в пургу
ДНК заплетая в дугу,
чтоб создать утконоса?

– Почему этот мастер планет
Не завел здесь приличный сюжет,
Поскупился на пряжу,
Плоскость камбалы плотью одел
И дыхания не пожалел –
Оживить персонажа?

– Почему эти тысячи лет
Мы несем на себе этот бред?
Ни войною, ни лаской
Не добьешься у внешней среды –
У железа, огня и воды –
Где тут строчка с подсказкой,

Чтоб наполнился смыслом сигнал,
Чтоб создатель вошел в сериал,
Чтоб от Рейна до рая
Хор гонял по орнаменту крыш
Оперетту летучая мышь
Над простором Китая.

Нам бы хватило железа, золота и бетона,
Откуда ладьи, архаика? Причины просты.
В начале той самой войны Аид катился назад,
Поэтому в среднем течении Ахерона
Взорваны все мосты.

Мы тогда отбились, отстроились после визита.
Разве что Флегетону так и не дан отбой.

Теперь пылает для красоты –
Всем нравится черный огонь на полнеба, мы-то
не воюем между собой.

Заняты. Нам работы хватит до конца света:
Молекулы, фотосинтез, движенья карандаша –
Всё мы, и воздух, и сон,
Когда совсем устаешь, вспоминаешь – тут за углом течет целая Лета.
Выпьешь глоток – и снова можно дышать.

Войну она не смывает, не может, сама боится
Того, что ломилось на нас сквозь щели часов и дней...
С кем воевали тогда? От кого держим границу?
С живыми.
В этих краях нет никого страшней.

Где облака идут вкруговую,
В городе и на дне,
Я сообщаю, что существую –
Разум не верит мне.
Он предлагает дело по силам –
Правильность, вес, объем.
Может быть, все-таки крокодилом?
Трактором? Воробьем?
Можно предаться вселенским числам,
Свету морской травы...
А человек, он все-таки мыслит,
А не вот так как вы.

Н.И.

Исходно граница Аида хранилась примерно так:
Живые должны проходить над ней, попросту не заметив,
А внутренний периметр стерегли стаи трехцветных собак,
Которые есть одна собака, расщепленная на трети.
(Вы бы видели эту собаку)

Бывали, конечно, инциденты – порой распнут не того
Или по делу зайдет Геракл, а ему возрази, попробуй,
Но, в целом, и снаружи приходило только то, что уже мертво,
И изнутри не решались (к счастью) просочиться даже микробы.
(Когда тут такие собаки)

И все истории о нарушениях закончились горем – кроме одной,
Известной снаружи по пересказам (неверным), а внутри по звукам и знакам,
Обычная ситуация – человек пришел за женой.

Но сначала он покормил собак – а главное, спел собакам.

(А вернее – частям собаки)

И когда по дороге назад и вверх беглецов поймала пурга,

Дробя и расщепляя их тени до прозрачных летейских кружев,

В той точке, где их осталось так мало, что одним дуновеньем снесло бы обратно, на асфоделевые луга,

Их обступили большие собаки и вывели их наружу.

(Предатели, а не собаки)

Аидову границу теперь охраняют тайна и страх,

Те двое все еще где-то живут, слегка не веря своей удаче,

А стая с тех пор так и спасает всех, кто сбился с пути в горах.

И о ее происхождении рассказывают иначе.

(Разве можно так – о собаке)

В этом мире есть генетта, она живёт,

Спит, хвостом накрывшись, как генетте удобно,

Не тревожит разве что крупный и мелкий рогатый скот,

Остальное (включая фрукты и кур) – съедобно.

В атмосфере – лёд, облаков сплошной перелёт,

Затонувший город просто не выдал света,

Смотришь – есть генетта, она живёт.

И живёшь как генетта.

Дело в том, что окружающая среда

Всегда

Может превратиться в болото,

Потому что легко найдет себе... полиглота,

Который – на всех языках – скажет энтропии «Иди сюда»

И откроет ворота.

А тем рыбам, что это событие прохлопали ртом

Или участвовали в нем,

Полагая, что делают что-то совсем другое,

Придется – задыхаясь – как-то разбираться с наступившим на них «потом»,

Потому что возможность выйти из боя

Заканчивается, собственно, до наступленья боя –

И много раньше самой мысли о том.

А над головой, сантиметрах в четырехстах,

Ляжет следующий слой катастрофы, примерно столь же логичной.

Что же делать ненадежному в этих ненадежных местах?

То, что обычно.

Кто там заводит песню военну
флейте подобно, милый Главпур?
Кто там сходил войной на геенну
и проиграл, и от всей вселенной –
только ковчег из пород неценных,
наш незакатный УР.

Были непарны звери и птицы –
деток не опознать,
а у людей – плотяные лица,
тени прозрачны, извне клубится,
лезет сквозь щели, грызет границы
всякая Тиамать.

Что там язык – осколки, відсотки,
наволочь, ржавые якоря,
тем, кто ушел на подводной лодке,
тем, кто доплыл до ковчежной лодки,
этой водой, искажившей глотки,
не собрать словаря.

Слов не хватает на разговоры,
снов – на отсчет с нуля,
но, погуляв по ничьим просторам,
голубь слетает, приносит «голубь»,
ворон приходит, приносит «ворон»,
кормчий гуляет по коридорам,
пишет на них «земля».

памяти М. Кузмина

Он встретил сфинкса летом, случайно, над или под Невой
И перспектива быть стремительно съеденным на плаву
Оказала огромное влияние на него,
Привила привычку к точности и летучему щегольству.

Потому что страсти наших властей оставляют слишком широкий след,
Подвернуться гуртом под колесо – небольшая честь.
Не то – египетская крылатая тварь, которой тысячи лет,
Тут кто ни выживи после встречи – шанс на долгую память есть.

Ну а сфинкс и в прошлом людей не ел, и в тот раз не имел в виду,
Он большую рыбу ловил в Неве, не смотрел, кто там и где,
Но если спросить – что было в том году,
Припомнит скользкую ткань воды и чью-то тень на воде,

А затем увидит, проваливаясь с головой, ряд верных примет,

Указывающих тому, кто свой, кто живой дорогу на Уасет...
И домой полетит отсюда, домой, домой.

Понимаете, здесь проявляется существо,
рожденное до того,
как мы разошлись на млекопитающих и рептилий,
я не знаю, как это контр-эволюционное явление не запретили...
то есть запретили, но не полностью, не всего,
потому что когда сошел кислотный прилив,
открывая пространства бассейнов и танцплощадок,
там, где был организм, осталась фигурная выемка, пустота, отпечаток –
а потом этот воздух встал, оказался жив,
он, конечно, дышит не в такт, в неурочный час,
неучтенный газ,
плохо держит равновесие, видит не то и нечетко слышит,
ну а то, что он – этим, вторым противостоящим, когтем – по здешним базальтам
пишет –
не о нас оно, не для нас оно, не про нас.